

Актуальные проблемы изучения истории Курской битвы

А.В. Исаев

В статье автор обращается к дискуссионным проблемам отечественной и зарубежной историографии битвы под Курском, сталкивает мнения военных историков с мемуарными свидетельствами и оценками противоборствовавших на полях сражений Второй мировой войны полководцев, ссылается на новые документы, отстаивая свои суждения. В авторском описании событий под Курском открывается уточненная панорама всего военного 1943 г. и его места в Великой Победе 1945-го.

Сражению на Курской дуге, 70-летнюю годовщину которой мы будем отмечать этим летом, можно сказать, повезло. Эта битва в течение многих лет не была обделена вниманием как зарубежных, так и российских историков, причем высокопрофессиональных. Достаточно назвать несколько имен. К событиям на Курской дуге в своих работах только в последнее десятилетие обращались Никлас Цеттерлинг, Джордж Найп, Стивен Ньютон. В России работу по исследованию битвы ведут Валерий Замулин и Егор Щекотихин, причем работа эта ведется с привлечением документов как из российских, так и из зарубежных архивов. Я не зря это подчеркиваю, так как, к сожалению, далеко не всегда в работах отечественных авторов используются столь значительные объемы архивных материалов.

Следует заметить, что исследователи Курской дуги и других событий 1943 г. находятся в некоторой степени в более выгодном положении, чем исследователи 1941 г. или 1944–1945 гг. Во-первых, и это вполне очевидное соображение, в течение войны система ведения документации в войсках сторон непрерывно совершенствовалась. Основные оперативные документы, в первую очередь

регулярные донесения о состоянии соединений и частей, в 1943 г. велись лучше, чем в 1941 г., как в Красной армии, так и в вермахте. Во-вторых, сохранность документации по 1943 г. все же гораздо лучше, чем по 1944–1945 гг. в случае вермахта и 1941–1942 гг. для Красной армии.

Богатая источниковая база по Курской битве позволяет добросовестным исследователям давать обоснованные ответы на возникающие вопросы и подкреплять выводы хорошей доказательной базой. Каковы же на данный момент наиболее актуальные вопросы изучения Курской битвы, вызывающие споры как в среде отечественных, так и зарубежных историков? Прежде всего далеко не однозначно выглядит само решение советского командования на преднамеренную оборону. В советское время сама постановка вопроса в таком ключе представлялась бессмысленной. Однако единодушие по этому вопросу в значительной мере было следствием бытового понимания выгоды обороны как «растреливать из засады немецкие танки», которое и вовсе не было всеобщим.

В своих мемуарах советские военачальники указывали на достаточно серьезные проблемы, с которыми сталкивались наступательные операции,

Исаев Алексей Валерьевич – военный историк, автор многочисленных книг о Великой Отечественной войне: «АнтиСуворов! 0 мифов Второй мировой», «1943-й: от трагедии Харькова до Курского прорыва», «Берлин 45-го. Сражение в логове зверя» и др. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Текст статьи представляет собой выступление автора на заседании Ассоциации историков Второй мировой войны 26 апреля 2013 г.

■ История

начавшиеся после отражения «Цитадели». Командующий Центральным фронтом К.К. Рокоссовский в мемуарах признавал план наступления своих войск в операции «Кутузов» ошибочным. Он писал: «Мне кажется, что было бы проще и вернее наносить два основных сильных удара на Брянск (один – с севера, второй – с юга). Вместе с тем необходимо было предоставить возможность войскам Западного и Центрального фронтов произвести соответствующую перегруппировку. Но Ставка допустила ненужную поспешность, которая не вызывалась сложившейся на этом участке обстановкой».

Эта часть текста соответствующей главы «Солдатского долга» была изъята цензурой и стала достоянием общественности сравнительно недавно. Высказывание К.К. Рокоссовского получило свое подтверждение в работе Е. Щекотихина, показавшего трудности, с которыми встретился Центральный фронт в ходе так называемой Кромской операции. В целом нельзя не признать, что отказ от перегруппировок и удары непосредственно по плотно построенным недавно наступавшим армиям и корпусам групп армий «Центр» и «Юг» отнюдь не сразу принесли успех. Соответственно все эти сомнения и возникшие трудности толкуют в пользу отрицательной оценки советского командования.

Так, Б. Соколов пишет: «Мне кажется, что оптимальным вариантом действий для Красной армии на Курской дуге было бы предпринять наступление еще в мае, нанеся основные удары под крайнее северное основание орловского плацдарма, как предлагали Жуков и Рокоссовский, и под крайнее южное основание харьковского плацдарма. [...] Если бы советские войска первыми нанесли удар в мае, их потери оказались бы, думаю, гораздо меньше тех, что они понесли в июле и августе»¹.

На другом полюсе оказываются те, кто абсолютизируют советскую оборону под Курском и проецируют ее на другие периоды войны. Так А.С. Орлов высказывался следующим образом: «Только к началу Курской битвы наша армия стала такой, какой она должна была быть в 1941 г. Тогда под Курском активная глубокая оборона (до 300 км) позволила остановить и обескровить врага, а затем разгромить его»². Фактически такими утверждениями ставится вопрос о некомпетентности советского военного руководства в 1941–1942-х гг., не прибегавшего к «спасительному» рецепту Курской битвы до лета 1943 г.

Однако еще в 1970 г. один из самых известных советских штабистов, М.В. Захаров, предупреждал начинавшуюся тенденцию неверной оценки событий лета 1943 г. Он писал: «В связи с этим мне хочется отметить, что в литературе о Курской битве, вышедшей в послевоенный период, эта оборона несколько идеализируется. Некоторые авторы приложили немало усилий к тому, чтобы показать ее как самую поучительную, классическую и во всем достойную подражания. [...] Но такой сильной группировки, глубоко эшелонированной обороны, а следовательно, и таких высоких оперативно-тактических плотностей на 1 км фронта для

решения оборонительных задач не создавалось ни до Курской битвы, ни после нее. Эту особенность не следует забывать при изучении, анализе и оценке битвы под Курском. Вот почему оборону под Курском нельзя считать обычной и типичной для минувшей войны»³.

Что же позволило добиться такой высокой плотности войск? Уникальность оборонительного сражения на Курской дуге была обусловлена стечением ряда обстоятельств и успехом разведки антигитлеровской коалиции в целом. Была перехвачена радиোগрамма Максимилиана фон Вейхса, временно исполнявшего обязанности командующего группой армий «Юг» на период лечения Эриха фон Манштейна. В датированной 25 апреля 1943 г. радиোগрамме в ОКХ и Отдел изучения армий востока Вейхс давал оценку противостоявшим ГА «Юг» войскам Красной армии. Из текста этой оценки довольно четко прослеживался план операции с кодовым наименованием «Цитадель» – удар с севера и юга по Курскому выступу. Радиোগрамма была перехвачена и дешифрована англичанами, добившимися большого успеха в взломе кодов шифровальной машины вермахта «Энигма». Содержание этого, ныне уже опубликованного, документа было сообщено советской разведке одним из членов «кембриджской пятерки» – Джоном Кернкроссом. Вкупе с другими данными разведки полученные сведения позволили советскому командованию сосредоточиться на обороне Курской дуги. Ранее, в оборонительных операциях 1941 и 1942 гг., разведданные такого уровня просто отсутствовали, что не позволяло строить плотную оборону именно там, где ударит противник.

В целом же следует констатировать, что достигнутый Красной армией в отражении немецкого наступления позитивный результат был обусловлен целым рядом факторов, уникальных для летней кампании 1943 г. Проецировать принятые меры и достигнутый результат на другие периоды войны, и в первую очередь на 1941 г., совершенно бессмысленно ввиду ряда принципиальных различий.

Советский успех в обороне летом 1943 г., контрастировавший с неудачами 1941 и 1942 гг., вызвал поспешные выводы не только у отечественных историков. И историки, и мемуаристы в Германии ставят вопрос о цепочке роковых решений, помешавших вермахту добиться «традиционного» для летних кампаний успеха. Поскольку операция «Цитадель» забуксовала в первую очередь на северном фланге Курской дуги, взгляды критиков решений немецких командующих в первую очередь обращаются к действиям и решениям Вальтера Моделя на посту командующего 9-й армии группы армий «Центр». Описывая ход боевых действий в первый день наступления, командир 6-й пехотной дивизии генерал Х. Гроссман писал: «Батальон «Тигров» далеко впереди сражался с вражескими танками. Вдалеке перед фронтом дивизии лежала возвышенность, на которой можно было наблюдать передвижения русских. Если бы в этот момент подошли танковые дивизии, то, вероятно, Курск был бы взят; враг был застигнут полностью врасплох и

слаб. Драгоценное время, которое враг использовал для того, чтобы бросить вперед свои резервы, было потеряно»⁴.

Хорст Гроссман был не одинок в негативной оценке плана наступления Моделя. В своей истории германских танковых сил бывший начальник штаба Гейнца Гудериана Вальтер Неринг писал: «Из 6 механизированных дивизий на северном фазе 5 находились в резерве. Уже одно это дало Красной армии решающее преимущество. Было бы гораздо разумнее бросить пару танковых дивизий вперед». У планов неуспешных операций незавидная судьба – их чаще всего безжалостно критикуют. Причем что бы ни делал потерпевший неудачу военачальник, его обязательно осудят потомки. На южном фазе Манштейн и Гот поставили все подвижные соединения в первый эшелон – их осудили за отказ от выделения эшелона развития успеха.

Однако американский исследователь Стивен Ньютон в своей биографической книге о Моделе обратил внимание на то, что критики немецкого военачальника упускают из виду тот факт, что большая часть бронетехники 9-й армии находилась не в подвижных соединениях, а в отдельных частях качественного усиления. Модель поставил немалые силы – 656-й полк «фердинандов», 177-й и 244-й батальоны «штурмгешюцев» в полосу наступления 41-го танкового корпуса. Это составило в общей сложности 233 танка и САУ. Для поддержки атаки 47-го танкового корпуса Модель использовал обе роты 505-го батальона «тигров» в дополнение к 245-му и 904-му батальонам штурмовых орудий. В этих 3 батальонах насчитывалось 93 единицы бронетехники. Атаку 46-го танкового корпуса поддерживали 40 танков и штурмовых орудий, а атаку 23-го корпуса – 62 штурмовых орудия. Всего 9-я армия бросила в бой в первом эшелоне 5 июля 542 единицы бронетехники, или 57,7% всей наличной бронетехники.

Таким образом, упреки в адрес В. Моделя трудно назвать обоснованными. Его план действий был в целом адекватным выделенным ему силам и потерпел неудачу вследствие принятых советской стороной решений и в целом грамотному и продуманному построению обороны Центрального фронта. Советская сторона не просто брала паузу и отдавала инициативу противнику. С самого начала перехода к преднамеренной обороне речь шла о выбивании ударной силы германской армии. Г.К. Жуков формулировал этот тезис следующим образом: «Мы хотели встретить ожидаемое наступление немецких войск мощными средствами обороны, нанести им поражение, и в первую очередь разбить танковые группировки противника, а затем, перейдя в контрнаступление, окончательно его разгромить»⁵.

Эти предположения можно оценить как вполне обоснованные. Для операции «Цитадель» германским командованием было выделено 2758 танков и штурмовых орудий (включая находящиеся в ремонте). На остальных участках Восточного фронта осталось 1064 танка и штурмовых орудий⁶.

Выбить из строя и лишить боеспособности большую часть вражеской техники подвижных соединений представлялось более чем заманчивой целью. Подчеркну: подвижных соединений (танковых и моторизованных дивизий), являвшихся основным средством для контрударов в обороне.

Решение этой задачи было не столь простым, как может показаться на первый взгляд. Это на киноэкране немецкие танки чаще всего окутываются дымом и пламенем сразу после попадания снарядов противотанковых пушек. На практике большую часть потерь составляли поврежденные, а в случае Курской дуги еще и подорвавшиеся на минах танки. По немецким данным, в безвозвратные потери непосредственно после сворачивания операции «Цитадель» оказалось списано сравнительно небольшое количество бронетехники. Это 183 единицы в группе армий «Юг» к 17 июля⁷ (из примерно 1500 принявших участие в бою) и 88 единиц в группе армий «Центр» к 14 июля 1943 г.⁸ (из примерно 1000, так или иначе задействованных в «Цитадели»).

Это заставляет некоторых западных исследователей (а именно Н. Цеттерлинга и А. Франксона) делать поспешный вывод о слабом влиянии «Цитадели» и неудачи в этом наступлении на летне-осеннюю кампанию 1943 г. и год в целом. Действительно, с формальной точки зрения вышеназванные цифры составляют ничтожную часть от общих потерь немецкой бронетехники в 1943 г. Однако цифры безвозвратных потерь достаточно лукавые. Значительное количество танков и штурмовых орудий после сворачивания «Цитадели» находились или нуждались в ремонте. На это обращает внимание другой западный историк Курской битвы – Стивен Ньютон, вступивший в полемику с Цеттерлингом и Франксоном. Он обращает внимание не на абсолютные цифры безвозвратных потерь германской бронетехники, а на падение доли боеготовых танков в результате неудачного немецкого наступления.

Учитывая, что боевые действия продолжались, изменение ситуации с числом боеготовых танков после завершения «Цитадели» происходило достаточно медленно. Согласно Panzer Lage и StuG Lage Ost, по состоянию на 31 июля в ГА «Юг» было 625 боеспособных танков, 633 – в ремонте и 190 – в пути, а также 251 боеспособных самоходных установок StuG и StuH, 84 – в ремонте и 11 – в пути. Большинство находившейся в ремонте техники требовался краткосрочный ремонт продолжительностью от 6 до 21 дня. Если бы советская сторона оставалась пассивной, то значительная часть этих бронеединиц вернулась бы в строй.

Если бы советское наступление началось позднее, например 15 августа после накопления сил и длительной паузы на перегруппировку войск, оно было бы встречено огнем куда большего числа танков и САУ, нежели в начале месяца. Можно оценить танковую группировку группы армий «Юг» в случае гипотетического смещения сроков начала операции «Румянцев» на середину августа 1943 г. примерно в 1000 единиц. Ситуация бы изменилась

■ История

даже не количественно, а качественно. Соответственно сам успех советской операции «Румянцев» мог быть поставлен под сомнение.

Однако операция «Румянцев» началась без длительных перегруппировок, уже 3 августа 1943 г., когда боеспособность немецких танковых соединений находилась еще на достаточно низком уровне. К 11–12 августа советские части вышли в район расположения ремонтных мастерских группы армий «Юг». Это привело к резкому скачку безвозвратных потерь. Например, 7-я и 11-я танковые дивизии в ходе «Цитадели» потеряли безвозвратно в период 4–10 июля по 10 и 3 танка соответственно. Цифры, прямо скажем, невеликие. В то же время за период 3–10 августа те же соединения понесли куда большие потери. Так, 7-я танковая дивизия потеряла безвозвратно 29 танков, а 11-я танковая дивизия – 38 танков. Столь же скачкообразно выросли потери «пантер» группы армий «Юг»: в районе Борисовки, Головчина и Грайворона немцами было брошено или подорвано 75 «пантер». Фактически советским наступлением был запущен процесс, который сделал падение боеспособности немецких танковых войск практически необратимым. К концу августа 1943 г. немецкие танковые дивизии насчитывали примерно по 30 боеспособных танков, что сводило к нулю их ударные возможности.

Таблица 1

Состояние немецкой бронетехники на Восточном фронте май – сентябрь 1943 г.⁹

Дата	Всего	Боеготовы
30 июня 1943 г.	2584	2287
10 июля 1943 г.	2609	1585
20 июля 1943 г.	2471	1471
31 июля 1943 г.	2274	1176
10 августа 1943 г.	2065	987
31 августа 1943 г.	2022	821
30 сентября 1943 г.	1953	605

По приведенным данным видно катастрофическое падение числа боеготовых бронеединиц в германских танковых войсках на Восточном фронте, что и обусловило стремительный отход немцев к Днепру. Нельзя не признать, что сражение на Курской дуге сыграло в этом немаловажную роль. Как здесь не вспомнить известное высказывание Гейнца Гудериана: «В результате провала наступления «Цитадель» мы потерпели решительное поражение. Бронетанковые войска, пополненные с таким большим трудом, из-за больших потерь в людях и технике на долгое время были выведены из строя. Их своевременное восстановление для ведения оборонительных действий на Восточном фронте, а также для организации обороны на западе на случай десанта, который союзники грозились высадить следующей весной, было поставлено под вопрос. Само собой разумеется, русские поспешили использовать свой успех. И уже больше на Восточном фронте не было спокойных дней. Инициатива полностью перешла к противнику»¹⁰.

Позднее Г. Гудериан в докладе А. Гитлеру в 1944 г. сравнивал танковые войска с посаженной в окопы германской кавалерией Первой мировой, которой не хватило в 1918 г. для развития прорыва. Таким образом, в конкретной обстановке, сложившейся на советско-германском фронте весной 1943 г., с учетом данных разведки, переход к преднамеренной обороне представляется обоснованным шагом советского Верховного Главнокомандования. Однозначно отрицать положительный эффект от отражения германского наступления и падения численности танков танковых дивизий вермахта в свете имеющихся данных не представляется возможным.

Также следует подчеркнуть, что преднамеренная оборона являлась лишь частью советского плана летней кампании. Советским командованием был разработан достаточно сложный и многоходовый план, предусматривающий наступательные операции. Здесь мы вплотную подходим к еще одному спорному моменту историографии Курской битвы – моменту отказа от продолжения «Цитадели». В советский период достаточно распространена была точка зрения на танковое сражение под Прохоровкой – как решающий момент Курской битвы. Однако новейшие исследования, в первую очередь В.Н. Замулина, показывают, что контрудар 5-й гвардейской танковой армии под Прохоровкой имел крайне ограниченный эффект в плане прямого воздействия на боеспособность 2-го танкового корпуса СС. Напротив, бои 12 июля 1943 г. привели к большим потерям танковой армии П.А. Ротмистрова. Более того, в работе С. Ньютона показывается, что сражение с советскими резервами в районе Прохоровки закладывалось командованием группы армий «Юг» в план «Цитадели» еще в мае–июне 1943 г. Поэтому появление свежей танковой армии, разумеется, не вызвало энтузиазма у немецкого командования, но еще не являлось причиной остановки операции. Вместе с тем столь же бесосновательным являются утверждения об остановке «Цитадели» ввиду высадки союзников на Сицилии.

В журнале боевых действий верховного командования вермахта (КТВ ОКВ) прямо указывается, что причиной свертывания «Цитадели» являются удары советских войск. Запись от 19 июля 1943 г. в этом документе гласит: «Восток. Противник продолжал наступление крупными танковыми и моторизованными силами при поддержке артиллерии и авиации. Атаки в полосах 17-й, 6-й А, 1-й ТА удалось отбить. [...] Северо-западнее Орла превосходящим силам противника удалось вклиниться в наше расположение. Ввиду мощного контрнаступления противника дальнейшее проведение операции «Цитадель» стало невозможным. Для создания резервов за счет сокращения линии фронта наше наступление прекращается». Формулировки, прямо скажем, не допускающие двойного толкования.

Действительно, изъятые из ударной группировки 4-й танковой армии Г. Гота наиболее боеспособные эсэсовские дивизии направились не в

Италию, а в полосу 6-й армии, на так называемый Миус-фронт. Туда же отправились находившиеся в резерве группы армий «Юг» большая часть 24-го танкового корпуса и авиация. На Донбасс, в полосу 1-й танковой армии, направилась дивизия СС «Викинг». Собственно, именно такое развитие событий заставило одного из западных исследователей, Джорджа Найпа, выдвинуть теорию о тщательной продуманной кампании советской разведки с сознательным показом немцам сосредоточения советских войск на Миусе. Однако изучение советских документов не подтверждает этой теории.

Командованием Южного фронта принимались обычные меры по обеспечению скрытности сосредоточения. Так что вскрытая немецкой разведкой ударная группировка Южного фронта на Миусе была частной удачей немецкой радиоразведки, а не следствием намеренных действий. Тем не менее именно угроза потери Донбасса заставила немецкое командование отказаться от развития «Цитадели» на южном фесе Курской дуги. Более того, поспешный ввод в бой для восстановления разваливающегося фронта 6-й армии Холлидта на Миусе привел к большим потерям немецких подвижных соединений. Не Прохоровское поле, а высота 213,9 у деревни Степановка на Миусе стала кровавой баней для эсэсовских дивизий – элитных соединений германской армии. Дивизия «Тотенкопф» потеряла в течение всего четырех дней боев на Миусе 1458 человек (219 убитых, 1193 человека ранеными и 46 человек пропавших без вести). Потери дивизии в ходе «Цитадели» с 4 по 20 июля 1943 г. составили 2803 человека (531 убитых, 2229 раненых и 43 пропавших без вести).

Истощение ударных возможностей и большие потери личного состава обусловили ограниченные результаты действий эсэсовских дивизий в отражении советского наступления с южного феса Курской дуги в августе 1943 г. Замалчивание считавшегося неудачным июльского наступления на Миусе в советский период привело к существенному искажению реальной картины событий, сведению причин свертывания «Цитадели» к Прохоровке. Это заключение не имело прочной основы ни в советских, ни в немецких военных документах. Непосредственным результатом такого идеологизированного подхода к изложению событий стали спекуляции относительно высадки в Италии как причины отказа от продолжения «Цитадели». Сопоставление советских и немецких источников позволяет дополнить и сделать более объемной картину событий. Научная дискуссия, развернувшаяся в последние несколько десятилетий, создала основу для цельного и взвешенного взгляда на события 70-летней давности как в России, так и за рубежом.

Isayev A. V. Actual problems of studying of history of Kursk fight.

Summary: In article the author addresses to debatable problems of a domestic and foreign historiography of fight near Kursk, pushes together opinions of military historians with memoirs certificates and estimates of battles of World War II of commanders confronting on fields, refers to new documents, defending the judgments. In the author's description of events near Kursk the specified panorama of all military 1943 and its place in the Great Victory of the 1945th opens.

Ключевые слова

Преднамеренная оборона, операция «Цитадель», операция «Румянцев», роковые решения, советский план летней кампании, К.К. Рокоссовский, Г.К. Жуков.

Keywords

Deliberate defense, operation "Citadel", operation "Rumyantsev", fatal decisions, Soviet plan of summer campaign, K.K.Rokossovsky, G.K.Zhukov.

Примечания

1. Соколов Б.В. Неизвестный Жуков: портрет без ретуши в зеркале эпохи. Минск: Родина-плюс, 2000. С.393.
2. <http://www.tellur.ru/~historia/archive/06-01/orlov.htm>
3. Курская битва. М.: Наука, 1970. С.136.
4. Grossman H. Geschichte der rheinisch-westfälischen 6. Infanterie-Division 1939 – 1945, Podzun, 1958, S.208.
5. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления: В 2 т. Т.2. М.: Олма-Пресс, 2002. С.136.
6. Мюллер-Гиллебранд.
7. Zetterling N., Frankson A. Kursk 1943: a statistical analysis. London, Portland. 2000. P.122. (Table 8.10: Destroyed tanks in Army Group South, 5–17 July 1943).
8. Zetterling N., Frankson A. Op.cit. P.121. (Table 8.9: Destroyed tanks in Army Group Centre, 5-14 July 1943).
9. Jentz. T. Panzertruppen, The Complete Guide to the Creation & Combat Employment of Germany's Tank Force. 1943 — 45. Schiffer Military History, Atlegen, PA, 1996. P.110.
10. Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск. Русич, 1999. С.431.